



DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664

Трансформация информационной сферы гражданского общества*

В.К. Левашов

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, 6-1, Москва, Россия, 119333
(e-mail: levachov@mail.ru)

Автор анализирует новые явления в информационной сфере гражданского общества, их влияние на характер и формы его развития, подчеркивая, что развитие российского гражданского общества происходит в общем потоке мирового цивилизационного процесса — становления глобального гражданского общества. Человечество подошло к объективно неизбежному и качественно новому этапу коэволюции биосферы, социума и техносферы — возникновению ноосферы. Социально-политической сущностью нового этапа социальной формы движения материи является поиск режима устойчивой жизнедеятельности на принципах гражданской справедливости в интересах всех и каждого на планете. Социальная статистика и социология беспристрастно высвечивают особенность момента развития цифровых технологий — рост материальных и информационных дисфункций в глобальном и региональных масштабах. Сложившаяся в последние десятилетия в неолиберальной парадигме экономических, политических и социальных практик информационная сфера не отвечает новым глобальным вызовам и потребностям развития гражданского общества и социального государства и продолжает функционировать в интересах малочисленных элитных групп. Получают широкое распространение практики дезинформации, и, как следствие, происходит деградация сущностного качества информации — достоверного отражения действительности — и частичное превращение СМИ в институты социальной и политической манипуляции. На основе данных социологических исследований автор показывает, что структура и формы проявления дисфункций отечественных СМИ несут отпечаток глобальных тенденций, и приходит к выводу, что потребность в гласности как порождение «кризиса правды» и сверхзадача СМИ по достоверному отражению социальной реальности становятся императивами и пропуском в будущее. Устойчивое развитие глобального и российского гражданского общества зависит от успешной социально-политической реконструкции информационной сферы на принципах коэволюции человека, общества и природы.

Ключевые слова: глобальное гражданское общество; информационная сфера; информационное общество; трансформация инфосферы; цифровые технологии; дисфункции глобальной инфосферы; постправда; устойчивое развитие

Информационная сфера: генезис, определение, дисфункции

В современном мире в условиях становления нового технологического уклада вольно или невольно все мы становимся участниками цивилизационного процесса — ускоренного формирования глобального гражданского общества и его информационной сферы на универсальных принципах эволюционного развития

* © Левашов В.К., 2019.

Статья поступила 24.06.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

природы, общества и человека. Академик В.И. Вернадский, предсказывавший становление в будущем общества всемирного разума, писал: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть „ноосфера“» [2. С. 479—480; 20].

В социальной сущности этого процесса важно корректно понять генезис и диалектику развития представлений о ноосфере. Во-первых, необходимо обратить внимание на глобальный масштаб деятельности человечества, который неоднократно подчеркивал Вернадский: «Мы живем в эпоху, когда человечество впервые охватило в бытии планеты всю Землю. Биосфера, как удачно выразился Леруа, перешла в новое состояние — ноосферу» [3. С. 673]. Во-вторых, в инновационной глобальной деятельности человечества Вернадский обращает внимание на геологический характер преобразований и формирования ноосферы как стадии развития: «Мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху. Человек своим трудом — и своим сознательным отношением к жизни — перерабатывает земную оболочку — геологическую область жизни — биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние; его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу. Им создаются в биосфере новые, не существовавшие раньше биогеохимические процессы. Биогеохимическая история химических элементов — планетное явление — резко меняется. На нашей планете создаются, например, в огромных массах новые свободные металлы и их сплавы, в ней никогда не существовавшие. Таковы, например, алюминий, магний, кальций. Резчайшим образом изменяется и нарушается растительная и животная жизнь. Создаются новые расы и виды. Лик планеты меняется глубочайшим образом» [4. С. 2].

Научно-техническая революция, которая разворачивалась во второй половине XX века, и ее современный этап связаны с прорывным развитием информационно-коммуникационных технологий (Интернет, социальные сети, облачные технологии, искусственный интеллект и т.п.) и дают все основания для предположения о качественно новой стадии развития ноосферы — информационной. Сегодня ноосфера интенсивно развивается в принципиально новой информационной, цифровой форме взаимодействия общества и природы, в которой антропогенный фактор остается решающим в контроле и поддержании глобального гомеостаза на планете. В науке, ее понятийном аппарате и практической жизни социально-политический и управленческий аспект ноосферы до недавнего времени оставался на втором плане. С конца XX века в теоретических и эмпирических исследованиях акцент делается на материальной, производственно-технологической стороне жизнедеятельности, ученые чаще говорят об информационном обществе [1; 7; 10; 15; 19; 21; 23; 24]. В таком обществе большинство граждан занято или связано с производством, хранением, переработкой и реализацией информации, ее высшей

в своей достоверности формы — научных знаний. В научный оборот вошло и используется понятие «общество знаний», что является еще одним шагом к пониманию сущностного качества нового состояния общества — созидательной деятельности человеческого разума по поддержанию устойчивого режима эволюции биосферы. Информация становится одним из главных факторов материального и духовного производства и жизнедеятельности глобального и локальных социумов. Информационные продукты и коммуникации связывают и интегрируют глобальную цивилизацию на принципах социокультурного многообразия и устойчивости саморазвития биотехносоциальных форм жизнедеятельности.

Однако было бы наивно предполагать, что цифровая экономика и ее инновационные возможности в области массовых коммуникаций автоматически выводят цивилизацию на орбиту устойчивого мирного развития. Функционирование единой глобальной информационной сферы определяется многообразием социально-политических интересов, противоречий и возникающих на этой почве дисфункций в процессах взаимодействия национальных информационных сфер. Созидательная культура мира и разрушительная культура войны и политического насилия в равной мере стараются использовать информационную сферу и ее инструменты (средства массовой информации, цифровых социальных и политических коммуникаций) в своих стратегических целях [9]. Н. Винер отнес информацию к уровню фундаментальных элементов и понятий мироздания: «Информация — это не материя и не энергия, информация — это информация» [5. С. 208].

Информация — это сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые воспринимают живые организмы и информационные системы. Информация отражает количественные и качественные характеристики жизнедеятельности материального и духовного мира как меру неопределенности (энтропии). В социуме и биосфере она проявляется как мера самоорганизации устойчивой жизнедеятельности в настоящем и будущем. Постигание качественных и количественных свойств и параметров рационализированной информации в форме достоверного знания составляет цель и задачи науки. В условиях глобального социума информация в форме научного знания, подобно энергии атома в материальной природе, обладает колоссальной креативной и/или разрушительной силой. Стихийная глобальная конкуренция за ресурсы и рынки продуцирует материальные и духовные диспаритеты, ожесточает социальные противоречия и, как следствие, информационные противостояния между странами, создает критические степени социально-политических напряжений, которые могут приводить к разрушению государств, деградации и распаду обществ.

Социально-политические противоречия в глобальной и национальной информационной сфере настолько существенны для российского общества и государства [18], что потребовали принятия Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, в которой дано определение информационной сферы — это «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет... сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана

с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений» (1).

Следует признать, что в условиях становления глобального гражданского общества и перехода к массовым публичным цифровым формам демократии глобальная информационная сфера переживает кризис запаздывания процессов трансформации, который выражается в дисфункциях институтов и средств массовой информации и коммуникации. Еще в середине XX века американские исследователи считали, что печатные и электронные СМИ, с одной стороны, все чаще становятся экономически зависимыми, а с другой — социально безответственными [22. Р. 78, 79]. По их мнению, уже тогда все чаще в работе СМИ стали проявляться накапливавшиеся десятилетиями противоречия. Они деформировали институт свободной и независимой прессы и электронных СМИ как в развитых, так и в развивающихся странах. Эти процессы происходили в силу ряда причин: во-первых, СМИ сосредоточили в своих руках огромные властные ресурсы, которые используют по собственному усмотрению. Владельцы СМИ тиражируют свои мнения, особенно в экономических и политических вопросах, дискриминируя мнения оппонентов. Во-вторых, СМИ все чаще подпадают под контроль большого бизнеса и политиков, которые все жестче контролируют редакционную политику и содержание размещаемой информации. В-третьих, СМИ способны оказывать сопротивление социальным переменам. В-четвертых, СМИ часто отдают предпочтение сенсационной и поверхностной информации в ущерб текущей и актуальной, а развлекательность СМИ зачастую оборачивается бессодержательностью. В-пятых, СМИ своей деятельностью угрожают общественной морали. В-шестых, СМИ вторгаются в личную жизнь граждан без всяких на то причин и поводов. В-седьмых, СМИ контролируются одним социально-экономическим классом — «бизнес-классом». Для новичков доступ в индустрию СМИ затруднен, поэтому свободный и открытый рынок идей оказывается под угрозой. В дополнение к этим давно действующим в глобальной инфосфере дисфункциям можно выделить еще несколько интенсивно проявляющихся в последние годы: получают распространение практики дезинформации, и, как следствие, происходит деградация существенного качества информации — достоверного отражения действительности — и частичное превращение СМИ в институты манипуляции.

Мотивы и эффекты информационных манипуляций

Сегодня функция манипуляции вмонтирована и активно используется в политических технологиях, социальной и коммерческой рекламе [6]. Как правило, практика абсолютизации власти и экономической прибыли призвана вводить в заблуждение и заставлять граждан совершать политический выбор не в своих и общества интересах, а в ущерб им. Малочисленные и закрытые элитные группы пытаются формировать и контролировать информационную сферу, которая защищает «право сильного и богатого». Такая информационная сфера не отвечает новым общественным потребностям, по факту она дисфункциональна.

Масштабные кампании по дезинформации проявляются сегодня в феномене постправды — специально сконструированной поддельной информации, состоящей из фрагментов реальных событий, вымыслов, слухов, эмоционально окрашенных суждений и мифов. В массовых масштабах недостоверная информация уже выступает не только как феномен межличностного общения, но и как инструмент информационной сферы. Актеры, контролирующие информационную сферу, подают ее как информацию особой, «эксклюзивной» достоверности, что легко сделать в условиях дозирования информации. Манипуляция заменяет социально эффективное управление, дезинформация — информацию, вымысел — правду [11; 16].

В инфосфере в условиях рыночных отношений вымысел, скандалы, мифы и слухи становятся товаром — продаются и покупаются. Их потребительная стоимость во многом определяется сенсационностью. Специализирующиеся на слухах PR-специалисты продумывают и осуществляют в инфосфере кампании по распространению сенсаций. В обществе спектакля, стимулирующем избыточное фейковое потребление, скандалы и сенсации стали инструментами массовых манипуляций эмоциями и поведением не только в шоу-бизнесе и рекламе, но и в политике и экономике. Появление рубрик «Эксклюзивная информация», «Скандалы», «Сенсации», «Слухи» в прессе, теле- и радиопередачах, на интернет-сайтах говорит о том, что на эти феномены сегодня возложена особая задача привлечения внимания пользователей информации к работе конкретного канала телевидения, газеты, журнала, сайта, блога — для повышения рейтинга обращения и соответственно гонораров от дорогой рекламы [17]. В инфосфере возник социально деструктивный механизм симбиоза рекламы и недостоверной информации. Как с учетом вышеизложенного оценивают достоверность передач радио и телевидения российские граждане? (табл. 1) (2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете достоверность передач российских радио, телевидения, в которых рассказывается о событиях и жизни в стране?»
(РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	1995, I	1996, V	1997, I	1998, XII	2000, V	2002, XII	2003, X	2004, XI	2008, VII	2012, IV	2013, VI	2014, VI	2018, XII
В основном достоверно, правдиво показывают события	17	12	13	14	14	10	10	17	14	12	15	20	10
И достоверных и недостоверных передач почти поровну	42	49	42	44	48	54	57	50	53	45	46	50	51
В основном недостоверно, предвзято показывают события	18	23	25	27	25	25	22	21	20	36	30	20	30
Затруднились ответить	24	16	20	15	12	11	11	12	13	7	9	10	9

Как видно из представленных данных, уже на протяжении длительного периода времени — двадцати лет — граждане достаточно критически оценивают достоверность передач российского радио и телевидения. Всего лишь 10% респондентов в декабре 2018 года заявляли, что передачи радио и телевидения о событиях и жизни в стране правдивы, половина опрошенных указывали, что СМИ транслируют поровну достоверную и недостоверную информацию, 30% — что радио и телевидение недостоверно освещают события [13. С. 32]. Уровень доверия граждан всем источникам массовой информации, за исключением Интернета, снижается (табл. 2). Граждане считают, что наиболее точно и достоверно отражают информацию Интернет (41%) и центральное телевидение (32%), но треть опрошенных затруднились ответить на данный вопрос [13. С. 35].

В чем же причина низких оценок достоверности отражения реальности в СМИ? (табл. 3). Как видно из представленных данных, более половины опрошенных считают, что радио и телевидение показывают жизнь лучше, чем она есть [13. С. 38].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие источники массовой информации наиболее точно и достоверно, по Вашему мнению, отражают сейчас обстановку в нашей стране?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Источники информации	2004, XI	2013, VI	2018, XII
Центральное телевидение	42	40	32
Местное телевидение	20	23	13
Зарубежное телевидение	11	7	4
Центральное радио	16	12	9
Местное радио	10	7	5
Зарубежное радио	7	4	2
Центральная печать	19	13	10
Местная печать	13	10	5
Зарубежная печать	6	5	2
Интернет	24	45	41
Затруднились ответить	30	22	34

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «На радио и телевидении, которые Вы слушаете и смотрите, нашу жизнь показывают лучше или хуже, чем она есть на самом деле?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	2017, VI	2018, VII
Показывают лучше, чем она есть	59	55
Показывают такой, какая она есть	27	24
Показывают хуже, чем она есть	4	4
Затруднились ответить	10	17

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, причины распространения недостоверной информации через СМИ?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Причины	1997, VIII	1998, XII	2001, XII	2002, XII	2003, X	2004, XI	2008, VII	2013, VI	2018, XII
Искажение информации журналистами	19	19	22	24	18	14	18	10	29
Замалчивание событий	19	18	15	25	23	20	22	22	39
Неискренность политиков	25	27	26	30	27	25	24	17	31
Преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура	35	34	27			34	29	29	38
Зависимость журналистов от «денежных мешков»	41	40	46	54	47	41	33	23	34
Затруднились ответить	23	18	16	15	15	13	15	19	15
Другое	1	0		1	1	1	1	1	1

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы получаете противоречивую информацию о событиях, какому источнику Вы поверите скорее всего?» (РФ, декабрь 2018, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	%
Радио	2
Газетам	3
Интернету — социальные сети, блоги	9
Телевидению	13
Интернету — новостные, аналитические, официальные сайты	17
Родственникам, друзьям, знакомым, сослуживцам	19
Никакому их перечисленных источников полностью	27
Затруднились ответить	10

Граждане сформировали достаточно ясную и определенную картину причин распространения недостоверной информации через СМИ (табл. 4).

В 2018 году на первое место вышли «замалчивание событий в СМИ» (39%) и «преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура» (38%), далее идут «зависимость журналистов от „денежных мешков“» (34%), «неискренность политиков» (31%), искажение информации журналистами (29%) [13. С. 37].

Распределение ответов на вопрос о доверии источникам информации в случае ее противоречивости показывает, что нашей стране не удалось избежать кризиса информационной сферы (см. табл. 5). Чуть больше четверти респондентов не доверяет ни одному источнику информации, пятая часть доверяет каналам межличностного общения, 10% затруднились ответить на вопрос [13. С. 38].

Такая ситуация не может не сказываться на информационной сфере и реализации в ней одной из главных функций взаимодействия общества и государства — формировании органов и институтов управления. Обратимся к мнениям граждан о ходе предвыборных кампаний, проведении и результатах президентских выборов — важнейшего политического волеизъявления российского гражданского общества (рис. 1, 2).

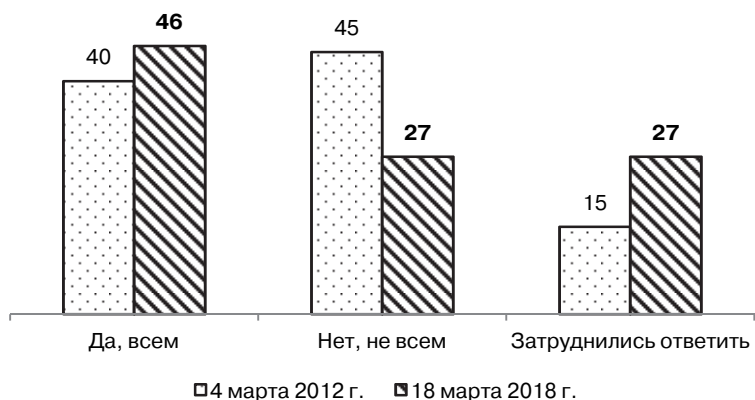


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, всем ли кандидатам в Президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

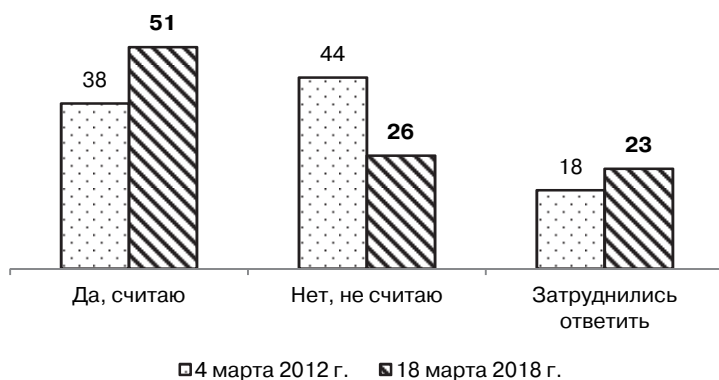


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что выборы Президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным)?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Таблица 6

Мнение респондентов о том, кого из кандидатов во время предвыборной кампании незаслуженно критиковали в СМИ (телевидение, радио, пресса, Интернет)?
(РФ, май 2018, %, данные ИСПИ РАН)

Кандидаты	%
Грудинин П.Н.	21
Собчак К.А.	16
Путин В.В.	6
Жириновский В.В.	5
Явлинский Г.А.	4
Титов Б.Ю.	1
Сурайкин М.А.	1
Бабурин С.Н.	0
Незаслуженной критики не было	61

На вопрос о том, всем ли кандидатам в президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ, граждане в 2018 году (46%) позитивнее, чем в 2012 году (40%) оценили проведение предвыборной кампании [12. С. 33]. Еще более позитивная динамика наблюдается по вопросу, считают ли респонденты, что выборы Президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным). Больше половины респондентов в 2018 году назвали выборы Президента РФ и их результат легитимными, тогда как в опросе сразу после прошлых выборов так считало только 38% [12. С. 33]. Применялись ли, по мнению граждан, практики информационных манипуляций на последних выборах Президента РФ — ответ на этот вопрос дает таблица 6.

Значимыми стали ответы относительно пяти кандидатур: П.Н. Грудинин (21%), К.А. Собчак (16%), В.В. Путин (6%), В.В. Жириновский (5%), Г.А. Явлинский (4%). Как видно из представленных данных, граждане видят особенности и недостатки в работе отечественных СМИ. Структура и формы проявления их дисфункций несут отпечаток глобальных тенденций. Потребность в гласности как порождение «кризиса правды» и сверхзадача работы СМИ по достоверному отражению социальной реальности все более востребованы в нынешних условиях [12. С. 35].

Социально-политические последствия распространения недостоверной информации носят выраженно деструктивный характер. Ложь, вымысел, полуправда не могут лежать в основе функционирования институтов социального и политического управления в целях устойчивой жизнедеятельности социума — слишком велики и зачастую трагичны издержки. Научная информация, правдивое отражение социальной реальности являются моральными и профессиональными императивами успешной стратегии жизнедеятельности против меняющихся угроз и вызовов. Недостоверная информация, деформируя инфосферу, является главной угрозой для устойчивых государств и обществ. Последствия такой ситуации известны: жизнь в ее многообразии биологических и социальных форм не может возникать из нематериальных форм мифа и недостоверной информации. Она будет искать системные источники своего будущего материального бытия и духовного производства, в том числе средства технологические, социальные и политические. Предпосылки этих позитивных изменений заложены и диалектически вызревают в самой информационной сфере. В этой связи необходимо корректно понять движущие силы и механизмы социально-политических процессов и выборных кампаний в США и на Украине.

Феномены Д. Трампа и В. Зеленского, по сути, являются результатом кризиса неолиберальной информационной сферы и еще одной победой социальных сетей Интернета над «постмодернистскими» СМИ. Стратегическое преимущество социальных сетей заключается в возможности осуществления функции персональной коммуникации, в отличие от традиционных массовых печатных и электронных СМИ, которые остаются односторонними трансляторами. Б. Обама первым из крупных политиков успешно использовал организующую и мобилизующую силу Интернета, в том числе для сбора средств в свой предвыборный фонд. По его

мнению, «социальные медиа являются действительно мощным инструментом, благодаря которому люди с общими убеждениями могут объединиться, узнать друг о друге, но потом для них важно общаться вне Интернета, встретиться в баре, религиозных местах, общинах, узнать больше друг о друге, потому что правда в том, что в Интернете все упрощенное, а когда люди встречаются друг с другом, оказывается, что их взгляды очень запутаны» (3). Другими словами, Интернет не обладает монополией на социальную истину, она рождается в многообразии практик человеческой деятельности, в том числе и межличностного (не опосредованного ИКТ) общения. Недавняя кампания на Украине показала, как вымышленный герой спектакля, телевизионного сериала, практически не участвуя в первом туре политической гонки, обошел реальных действующих политиков.

При этом цифровые технологии не стоят на месте. Политические коммуникации диверсифицируются и приобретают новые формы и качества, которые позволяют гражданскому обществу на широкой социальной основе выстраивать эффективный контроль за властью, научно и публично верифицируемый по критерию достоверности информации. На старте этой эпической социально-политической трансформации инфосферы еще трудно разглядеть контуры будущего. Мастер реалистической прозы XIX века, создатель теории точного слова Г. Флобер, считавший, что вне правды жизни нет прекрасного, видел диалектику этого процесса в том, что будущее тревожит нас, а прошлое держит, и потому настоящее ускользает. Сегодня цифровое будущее зовет и улыбается нам. Прошлые мировых разрушительных войн, политического насилия и угнетающего биосферу нерационального массового потребления сопротивляется и тормозит развитие. И потому сегодня ученые и политики начинают строить цифровой мост в устойчивое будущее. Научные знания и практика беспристрастно показывают, что этот процесс имеет объективный характер — сегодня формируется новый цифровой технологический базис и социально-политическая надстройка общества для будущих поколений.

На самом деле прорастание будущего в настоящем не останавливается никогда. Аналитическое агентство We Are Social и крупнейшая SMM-платформа Hootsuite, занимающаяся продвижением компаний, брендов и продуктов в социальных сетях, подготовили отчет о глобальном цифровом рынке Global Digital 2018 (4). Сегодня во всем мире Интернетом пользуются более 4 млрд человек, т.е. более половины населения земного шара живут в режиме онлайн. Две трети из 7,6 млрд мирового населения имеют мобильный телефон, и более половины из них — смартфоны, которые предоставляют доступ в Интернет. Объективно большинство населения на нашей планете уже участвует в строительстве цифрового моста из прошлого в будущее. Важно не поддаваться искушениям отживших во времени ценностей и страстей, по случайной ошибке или недомыслию не свалиться в хаос прошлого, как это уже не раз происходило. Сегодня достаточно оснований надеяться, что мост в цифровое будущее будет построен. Будущее устойчивого развития российского гражданского общества и социального государства зависит от успешной социально-политической реконструкции информационной сферы на принципах стратегии коэволюции человека, общества и природы.

Примечания

- (1) См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 декабря 2016 г. № Пр-646.
- (2) Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 года под научным руководством автора. В исследовании используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка (пол, возраст, образование, местожительства). В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорций численности населения и городского-сельского населения. Объем выборки на разных этапах — 1312—1866 респондентов. Объект исследования — взрослое население России.
- (3) См.: <https://inforesist.org/internet-opasen-tam-vse-uproshheno-barak-obama-dal-intervyu-printsugarri>.
- (4) См.: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy>; <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

Библиографический список

- [1] Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1988.
- [2] Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004.
- [3] Вернадский В.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. Т. 1.
- [4] Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы // Проблемы биогеохимии. М.; Л., 1939. Вып. 2.
- [5] Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1983.
- [6] Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социологические исследования. 2011. № 5.
- [7] Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- [8] Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
- [9] Дробот В.А. Информационная составляющая современной мировой политики // Информационное общество. 2018. № 2.
- [10] Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.
- [11] Кихтан В.В. Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2.
- [12] Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», май 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2018.
- [13] Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. «Как живешь, Россия?». XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь—декабрь 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2019.
- [14] Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. 2018. № 2.
- [15] Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества // Информационное общество. 2018. № 2.
- [16] Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1.
- [17] Секарева И.В. Рекламные и телевизионные мифы как форма манипуляции сознанием // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4.
- [18] Соколов И.А., Колин К.К. Развитие информационного общества в России и актуальные проблемы информационной безопасности // Информационное общество. 2009. Вып. 4, 5.

- [19] Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
[20] Янишина Ф.Т. О появлении и первоначальном толковании термина «ноосфера» // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 11.
[21] Duff A.F. *Information Society Studies*. L., 2000.
[22] Gilbert F.S., Peterson T.B., Schramm W. *Four Theories of Press*. Urbana, 1956.
[23] Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington, 1983.
[24] May Ch. *Information Society: A Sceptical View*. Malden, 2002.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-03-00557-ОГН.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664

Transformation of the information sphere of civil society*

V.K. Levashov

Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
Fotieva St., 6-1, Moscow, Russia, 119333
(e-mail: levachov@mail.ru)

Abstract. The author considers new phenomena in the information sphere of civil society, their influence on the nature and forms of its development, emphasizing that the development of the Russian civil society follows the general formation of the global civil society. Humankind has come to the objectively inevitable and qualitatively new stage in the co-evolution of biosphere, society and technosphere — the emergence of noosphere. The social-political essence of the new stage of social evolution is the search for a sustainable life regime based on the principles of civil justice in the interests of everyone on the planet. Social statistics and sociology highlight the peculiarity in the development of digital technologies — the growth of material and informational dysfunctions of the global and regional scale. The information sphere that has developed in the neoliberal paradigm of economic, political, and social practices does not meet the new global challenges and the needs of civil society and social state for it continues to function in the interests of small elite groups. Misinformation becomes widespread, which leads to the loss by information of its key function of the reliable reflection of reality and to the partial transformation of the media into institutions of social and political manipulation. Based on the data of sociological studies, the author proves that the structure and forms of the Russian media dysfunctions reflect global trends, and concludes that the need for publicity is a result of the “truth crisis”; thus, the media’s task — to reliably reflect social reality — becomes an imperative and a pass to the future. The sustainable development of the global and Russian civil society depends on the successful social-political reconstruction of the information sphere based on the principles of co-evolution of man, society and nature.

Key words: global civil society; information sphere; information society; information sphere transformation; digital technologies; dysfunctions of global information sphere; post-truth; sustainable development

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-03-00557-ОГН.

* © V.K. Levashov, 2019.

The article was submitted on 24.06.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

References

- [1] Bell D. Socialnye ramki informatsionnogo obshhestva [Social framework of the information society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [2] Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [3] Vernadsky V.I. *Izbrannye sochinenija* [Selected Works]. Moscow; Leningrad; 1954. Vol. 1 (In Russ.).
- [4] Vernadsky V.I. O korennom materialno-energeticheskom otlichii zhivyh i kosnyh estestvennyh tel biosfery [On the fundamental material-energetic difference between the living and inert natural bodies of the biosphere]. *Problemy biogeokhimii*. Moscow; Leningrad; 1939, Vol. 2 (In Russ.).
- [5] Wiener N. *Kibernetika, ili upravlenie i svjaz v zhivotnom i mashine; ili Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine; or Cybernetics and Society]. Moscow; 1983 (In Russ.).
- [6] Vladimirova T.V. Setevye kommunikatsii kak istochnik informatsionnyh ugroz [Network communications as a source of information threats]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2011; 5 (In Russ.).
- [7] Giddens A. *Uskolzajushhij mir: kak globalizatsija menjaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [8] Debord G. *Obshchestvo spektaklja* [The Society of the Spectacle]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [9] Drobot V.A. Informatsionnaja sostavljajushhaja sovremennoj mirovoj politiki [Information component of the contemporary world politics]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [10] Castells M. *Informatsionnaja epoha: Ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [11] Kikhtan V.V. Issledovanie protsessov manipulirovanija massovym soznaniem v sovremennyh sredstvakh massovoj informatsii [A study of the mass consciousness manipulation by the contemporary media]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 2018; 2 (2) (In Russ.).
- [12] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. *Sostojanie grazhdanskogo obshhestva v Rossii. XLVII etap sociologicheskogo monitoringa “Kak zhivesh Rossija?”*, maj 2018 goda [The Status of Civil Society in Russia. XLVII wave of the sociological monitoring “How Are You, Russia?”, May 2018]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [13] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. *Ekspress-informatsija. “Kak zhivesh, Rossija?”*. XLVIII etap sociologicheskogo monitoringa, nojabr—dekabr 2018 goda [Express-information. “How are you, Russia?”. XLVIII wave of the sociological monitoring, November—December 2018]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Leonova O.G. Kibervojna i protivoborstvo v tsifrovom informatsionnom prostranstve [Cyber war and confrontation in the digital information space]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [15] Naumenko T.V. Metodologicheskij analiz konceptsii informatsionnogo obshhestva [Methodological analysis of the concept of information society]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [16] Ozyumenko V.I. Medijny diskurs v situatsii informatsionnoj vojny: ot manipuljatsii — k agresсии [Media discourse under the information war: From manipulation to aggression]. *RUDN Journal of Linguistics*. 2017; 1 (In Russ.).
- [17] Sekareva I.V. Reklamnye i televizionnye mify kak forma manipuljatsii soznaniem [Advertising and television myths as a form of consciousness manipulation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011; 4 (In Russ.).
- [18] Sokolov I.A., Kolin K.K. Razvitie informatsionnogo obshhestva v Rossii i aktualnye problemy informatsionnoj bezopasnosti [Development of information society in Russia and actual problems of information security]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2009; 4, 5 (In Russ.).

- [19] Webster F. *Teorii informatsionnogo obshhestva* [The Theories of Information Society]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [20] Yanshina F.T. О появлении i pervonachalnom tolkovanii termina “noosfera” [On the emergence and initial interpretation of the term “noosphere”]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1994; 64 (11) (In Russ.).
- [21] Duff A.F. *Information Society Studies*. London; 2000.
- [22] Gilbert F.S., Peterson T.B., Schramm W. *Four Theories of Press*. Urbana; 1956.
- [23] Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington; 1983.
- [24] May Ch. *Information Society: A Sceptical View*. Malden; 2002.